

Моим родителям,
Гарри и Дорин, с любовью

«Тот, кто сражается с чудовищами, должен остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если долго всматриваться в бездну, то бездна станет всматриваться в тебя».

Фридрих Ницше

Это снова происходит. Не спрашивайте меня, откуда я знаю. Я просто знаю. Я вижу это в морских волнах — в том, как они накатывают на пологий берег. Быстро. Непреклонно. Безжалостно. Я чувствую это в дуновении ветерка на моей коже, в запахе прелых листьев и влажной земли, слышу это в молчании наблюдающих за мной ворон. Ты снова идешь за мной, и я ничего не могу сделать, чтобы тебя остановить.

Вот так это и бывает. Вечером я ложусь в постель, и вроде бы все хорошо. Все под контролем. Эта история перестала быть значимой. Мир вокруг реальный. Надежный. Неразрушимый. А затем я просыпаюсь, и все меняется. Ночь мгновенно раскалывается надвое, и я понимаю, что все это время просто обманываю себя, и что я самое слабое звено, и всегда так было.

За мной охотятся. За мной всегда будут охотиться.

Глава 1

Все начинается со сплетни. С пересудов у школьных ворот. Поначалу я вообще не прислушиваюсь. Я пообещала Дэйву, что заеду к нему за ключами к объекту на Мэйпл-Драйв и встречу с клиентом там. У меня нет времени торчать в толпе любительниц почесать языки.

Но затем я замечаю странное выражение на лице Дебби Бартон — у нее буквально отвисла челюсть, — и любопытство берет надо мной верх.

— Ну-ка повтори это еще раз! — просит она. — У меня в голове не укладывается!

Я придвигаюсь к ней поближе, как и мама маленькой Кетифы, Фатима. Мама Джейка — Кэти, кажется? — зыркает по сторонам, прежде чем заговорить, наслаждаясь возможностью побыть в центре внимания.

— Есть серьезная вероятность, что печально знаменитая убийца детей живет прямо здесь, во Флинстедде, — произносит Кэти и делает паузу для большего эффекта. — Под новым именем, конечно. Она убила маленького мальчика, когда ей было десять, еще в шестидесятых. Заколола его кухонным ножом, прямо в сердце.

Все вокруг дружно ахают. Фатима прижимает руку к груди.

— Салли Макгоуэн, — продолжает Кэти. — Можете погуглить, когда вернетесь домой.

Салли Макгоуэн. Это имя я уже где-то слышала. Кажется, в одном из тех документальных фильмов на пятом канале, которые я смотрю, когда не могу найти занятия получше. «Дети-убийцы» или что-то вроде того.

— Кто тебе это сказал? — интересуюсь я.

Кэти тяжело вздыхает.

— Скажем так: кое-кто, знакомый кое с кем, чей бывший муж работал в полиции. Ну а приятель этого копа был куратором в программе по защите свидетелей¹. Может, это и неправда, но знаете же, как говорят: «Нет дыма без огня». И мой муж утверждает, что таких типов всегда размещают в маленьких городках вроде нашего.

Дебби смачно цыкает зубом.

— Я считаю просто отвратительным то, что они так возятся с этими чудовищами! Я имею в виду — это же все на наши налоги, разве нет? С какой стати мы должны это оплачивать?

— А ты бы предпочла, чтобы их линчевала толпа?

Теперь все три женщины сверлят меня глазами. Лучше бы мне держать рот на замке, но иногда я ничего не могу с собой поделать. Даже не знаю, зачем я слушаю всю эту чушь. Мне следовало бы быть осмотрительнее в своих поступках.

Кэти фыркает:

— Вообще-то, Джоанна, да. Я бы предпочла именно это. Несправедливо, что такие люди пользуются особыми привилегиями, и некоторые из них даже получают специальное лечение. А как же родители убитого мальчика? Они не могут позволить себе такой роскоши — взять и начать новую жизнь, верно?

¹ В особых случаях в программу защиты входят и бывшие заключенные. — *Здесь и далее: примеч. пер.*

— Ой, все равно это наверняка неправда, — вмешивается Фатима. — А если даже и правда, то мы никак не можем на это повлиять. Это случилось много лет назад. Я сомневаюсь, что она по-прежнему опасна.

Милая, рассудительная Фатима. Надо в ближайшее время пригласить ее выпить по чашечке кофе и поболтать. Познакомиться с ней получше. Но не сегодня — я опоздаю, если не потороплюсь.

— Спасибо, Джо. Я очень ценю, что ты делаешь это в свой выходной.

Дэйв вручает мне ключи¹ и свежееотпечатанное детальное описание строения 24 по Мэйпл-Драйв. Верхнюю часть титульного листа украшает новый логотип агентства Пегтон.

— Да без проблем, — отвечаю я. И это правда. В мире не так много столь понимающих и чутких работодателей, как Дэйв Пегтон. Работа, которая вписывается в школьный график Альфи и расположена близко от дома, стала подарком небес.

Дом. И за него я тоже должна благодарить Дэйва. Крошечный домик с террасой и двумя спальнями, который Дэйв щедро описал как «нуждающийся в небольшом уходе». Как вам нравится такой эвфемизм? Что ему на самом деле требовалось, так это «интенсивная терапия», но он был единственным жильем, которое я могла себе позволить, и в конце концов я приняла это предложение и въехала. Новый дом. Новая работа. И все это благодаря тому, что я пришла в нужное время к нужному агенту по недвижимости. Интуиция, вроде так это называется?

Дэйв возвращается к своему столу.

¹ Существует практика передавать ключи риелтору, если есть договор с агентством и опись имущества. На случай, если хозяев не окажется дома.

— Кстати, удачи тебе с миссис Марчант, — саркастично бросает он через плечо.

— Почему же? Что с ней не так?

— Скоро сама все узнаешь, — усмехается Дэйв, и, прежде чем я успеваю расспросить его о подробностях, звонит телефон, и он погружается в разговор с клиентом.

Мэйпл-Драйв представляет собой череду домов постройки 1920-х и 1930-х годов. Некоторые из них отделены друг от друга, но большинство сдвоены и имеют общую стену. Это не самая престижная улица во Флинстедде, как, к примеру, район с названием «Роцци», где водятся серьезные деньги, однако довольно популярная, особенно та ее часть, что выходит к морю. Там и располагается строение номер 24. В описании объекта недвижимости, которое выдал мне Дэйв, оно обозначено как «дом с видом на море», и вы, вероятно, в этом убедитесь, если откроете окно его спальни, высунетесь как можно дальше и вывернете шею влево. «С намеком на море» было бы более подходящим описанием, хотя сам дом довольно красивый. Ухоженный, с палисадником, создававшимся годами. Но даже едва видимый кусочек моря добавляет серьезный процент к стоимости жилья.

Сьюзен Марчант открывает дверь прежде, чем я успеваю позвонить в колокольчик. Короткий кивок — вот и все, что я получаю в ответ на свое жизнерадостное: «Доброе утро!» Я ожидаю, что она отступит назад, позволив мне войти, но Сьюзен просто стоит в дверях, будто я — один из рекламных агентов, упомянутых в списке непрошенных визитеров над колокольчиком. Из тех, кому здесь не рады.

— Я собиралась для начала бегло осмотреть дом, — говорю я. — Просто чтобы самой ознакомиться с планировкой.

Обычно это помогает, если клиент готов к показу. Однако не все приводят в порядок свои дома до начала просмотров. Я уже сталкивалась со всевозможными странностями, и обычно это были неприятные вещи. Грязные трусы, валяющиеся на полу, большая коричневая кашка, свернувшаяся в унитазе, как спящая змея. Хотя, судя по тому, что я вижу через плечо Сьюзен Марчант, здесь явно не тот случай. Внутри до манияльности чисто, комнаты наполовину пусты. Похоже, она уже перевезла основную часть своего имущества на склад.

— Зачем? — произносит она, сдвинув брови. — Разве у вас нет детального поэтажного плана в описании? — Холод в ее глазах и голосе заставляет меня содрогнуться.

— Ну, да, но...

— В любом случае на это уже нет времени, — перебивает она, глядя вдоль улицы. — Это, должно быть, Энн Уилсон.

Обернувшись, я действительно вижу подъезжающий к дому синий «Рено Клио». Женщина в бледно-зеленом плаще и с двухцветными волосами — темно-русыми, с кончиками, выкрашенными в медный, — выбирается с пассажирского сиденья и, улыбаясь, приветственно скидывает руку. Боже, спасибо за улыбчивых людей! Теперь к ней присоединяется и водитель — высокий, представительного вида мужчина с благородной серебрястой сединой. Кажется, он и сам хотел бы открыть для нее дверь, если бы только она дала шанс. Они приближаются к нам по подъездной дорожке, держась за руки, так что либо это одна из тех редких пар, которые все еще любят друг друга спустя долгие годы брака, либо они состоят в отношениях совсем недолго. Я бы сделала ставку на последнее.

За это, помимо всего прочего, я и люблю свою работу — все время знакомишься с новыми людьми. Пытаешься угадать по кратким фрагментам из их жизни, которые успеваешь увидеть, кто они на самом деле. И просмотры недвижимости — безусловно, лучшая часть моей деятельности. Тэш, одна из моих самых давних подруг, говорит, что я просто любопытная, как сорока. Но это нормально, потому что она точно такая же.

Однажды она и ее парень сделали вид, будто заинтересованы покупкой дорогой квартиры в пентхаусе, когда были в Брайтоне на выходных, просто чтобы иметь возможность заглянуть внутрь. Вспомнив об этом, я подавляю улыбку. Им пришлось припарковать свой старый полуразвалившийся «Вольво» за пару улиц оттуда, чтобы агент по недвижимости не заметил, как они из него выбирают. Я частенько вспоминаю эту историю, встречаясь с потенциальными покупателями. Никогда не знаешь точно, что у людей на уме.

— Здравствуйте, я Джоанна Критчли из агентства Пегтона. Рада познакомиться.

Мы пожимаем друг другу руки. Энн Уилсон — привлекательная женщина, однако над ее лицом определено проделана серьезная работа. У нее сияющая и подтянутая кожа, а губы и щеки заметно накачаны филлерами. Я отвожу взгляд, дабы она не подумала, что я слишком внимательно ее рассматриваю.

— А это Сьюзен Марчант, хозяйка.

Но Сьюзен уже уходит от нас в глубину дома, и мы слышим, как ее каблуки стучат по паркету. Ужасно грубая женщина. Неудивительно, что Дэйв свалил на меня эту работенку. И кто вообще носит высокие каблуки в собственном доме?

Я глубоко вздыхаю:

— Давайте начнем с гостиной, хорошо?

Не самое лучшее начало. Покупка нового дома — сама по себе серьезный стресс. Безразличная хозяйка — вполне достаточная причина для того, чтобы оттолкнуть некоторых клиентов. Хотя, возможно, именно этого Сьюзен Марчант и добивается. Может, выставить дом на продажу ее вынудил бывший гуляка-муж, стремящийся заполучить свою долю имущества, и она полна решимости отпугнуть как можно больше покупателей. И если честно — не поручусь, что я не вела бы себя в подобной ситуации так же.

Когда я возвращаюсь домой тем же утром, то не могу не сравнить свое тесное жилище — две комнаты сверху, две снизу — и его устаревший интерьер с прекрасным просторным домом, который только что видела, и вот я уже просматриваю варианты декоративной отделки в Интернете. Я обещала себе, что начну ремонт сразу, как только Альфи пойдет в школу; сейчас октябрь, а я все еще ничего не сделала.

Затем я вспоминаю о том, что Кэти говорила насчет Салли Макгоуэн. Наверняка все это бред сивой кобылы, история, которую она состряпала на скорую руку, чтобы создать немного драмы, но я могла бы мельком взглянуть, что об этом пишут в Интернете. Я готова на все, лишь бы отвлечься от мыслей о ремонте.

Набрав это имя в поисковой строке, я получаю сто девять миллионов результатов плюс зернистую черно-белую фотографию детского лица. Неулыбчивого, дерзкого, но тем не менее поразительно красивого. И я уже видела его раньше. Теперь я это вспоминаю. Портретный полицейский снимок при аресте.

Согласно Википедии, Салли Макгоуэн родилась в Бротоне, Солфорд. В 1969 году, в возрасте десяти лет, она ударила ножом пятилетнего Робби Харриса, что привело к его смерти. Это было сенсационное дело,

которое разделило страну на предмет того, кем же являлась Салли — хладнокровной психопаткой или жертвой жестоких родителей и педагогической запущенности. Сама девочка рассказала, что это была просто игра, которая пошла не так, но ей никто не поверил. По крайней мере, публика — точно нет. Люди были возмущены, когда ее осудили за убийство по неосторожности, а не за преступление, совершенное умышленно.

Я перехожу на другие сайты. Салли была освобождена в 1981 году и получила новую личность. Шесть лет спустя репортеры выследили ее. К тому времени она работала портнихой в Ковентри и имела собственного ребенка. Я обнаруживаю еще несколько фотографий. Семнадцатилетняя Салли играет в бильярд в реабилитационном центре. Есть нечто провокационное в том, как она вытянулась через стол, а может, это просто ракурс камеры или композиция снимка. А теперь я рассматриваю молодую стройную женщину двадцати с небольшим лет, закрывающую лицо от камер.

Я бегло просматриваю еще несколько сайтов. Очередное изменение имени, еще один переезд. За исключением бестолковых статей в таблоидах о мнимом обнаружении Салли и непрекращающихся страданиях родных Робби Харриса — больше о преступнице никаких известий.

Я делаю глоток кофе. А что, если она действительно живет во Флинстеде? В смысле, должна же она где-то жить — так почему бы не здесь?

И сегодняшняя ужасная клиентка внезапно приходит мне на ум. Сьюзен Марчант.

Возможно, это просто случайность, что у нее те же инициалы, но даже если и так, я не могу удержаться от того, чтобы мысленно не совместить лицо десятилетней Салли Макгоуэн с ее лицом. И их черты совпадают!

Я отбрасываю свой айпад на другой конец дивана. Это просто нелепость. Я наслушалась сплетен на детской площадке и позволила воображению разыграться. Если бы Сьюзен Марчант являлась Салли Макгоуэн, у нее бы не было дома. Она жила бы где-то под правительственной защитой и наблюдением.

И то, что она просто противная корова, — еще не делает ее убийцей.

Глава 2

«Я ВСЕ ЕЩЕ ПОМНЮ ЭТУ КРОВЬ!» — РАССКАЗЫВАЕТ БЫВШАЯ ПОДРУГА И СОСЕДКА ДЕТОУБИЙЦЫ САЛЛИ МАКГОУЭН, МАРГАРЕТ КОУЛ

Автор: Джефф Биннс

Вторник, 3 августа 1999 года

«Дэйли мэйл»

Тридцать лет назад в этот день Салли Макгоуэн стала печально известна тем, что нанесла смертельный удар ножом пятилетнему Робби Харрису в заброшенном доме в Бротоне, Солфорд. Ей было десять лет.

Вчера ее бывшая школьная подруга и соседка Маргарет Коул поделилась своими воспоминаниями о том времени.

«Тогда все было совсем по-другому, — сказала Маргарет. — Другой мир. Все мы, ребяташки, играли на улице. Наши мамы полдня не знали, где мы носимся. Мы забирались в дома, предназначенные под снос, что, наверно, было настоящим адом для мам и пап, но нам, детям, нравилось. Это казалось одной большой игровой площадкой для приключений».